

Татьяна Бродских

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б88

Бродских Т.
Б88 Вторая жизнь / Татьяна Бродских – М.: Литнет, 2026. – 298 с.

ISBN 978-5-521-99086-3

Есть ли жизнь после смерти? Судьба? Предназначение? Никто не может ответить на этот вопрос однозначно. А если ничего этого нет, то как назвать того, кто дает тебе еще один шанс прожить новую жизнь? Творец? Бог? А может быть, это был маг-мошенник? И как прожить эту новую жизнь правильно? Как не повторить тех же ошибок, если ничего не помнишь о прошлом? Особенно если у тебя два прошлого - одно у твоей души и другое у чужого тела. Могла ли Анна предположить, что ей суждено не только побороться в новой жизни за свое счастье, но и стать неудобной свидетельницей убийства, которое окажется первой ниточкой к окутанному тайнами заговору?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99086-3

© Литнет, 2026
© Т. Бродских, 2026

Пролог

– Зачем ты согласился? – шептал один из двоих, присутствовавших в спальне молодой девушки. Он мог бы говорить громче, все равно она не могла бы его услышать: жило только ее тело, в то время как душа давно обитала в райских кущах или отправилась на перерождение. – Мы не можем им помочь, девушка практически мертва.

– Ты забыл, что нам уже заплатили? Или хочешь еще несколько лет придумывать, как получить этот артефакт, причем отданный добровольно? Не моя вина, что девчонка оказалась так слаба, – раздраженно ответил второй. Он не утруждал себя сдерживанием голоса, зачем, их язык не могут знать какие-то людишки.

– Если мы не вылечим девушку, это будет нарушением договора, тогда артефакт не подействует, – все больше нервничал первый.

– Лечить здесь уже нечего, мы вернем душу обратно в тело, я призову ее. Да, придется истратить весь резерв и даже у тебя позаимствовать, но лучше так, чем потом опять искать артефакт.

– У тебя ничего не выйдет! Ты не сможешь вернуть именно ее душу! – срываясь на визгливые нотки, заявил первый. – Ты хочешь поставить на карту дело нескольких десятилетий?

– Успокойся, я внимательно читал договор, если мы оживим девчонку, то он нарушен не будет, а для этого подойдет любая душа.

– А вдруг это будет душа мужчины? Ты об этом подумал?

– Идиот! Чему тебя только учили? У души нет пола – это кусочек сущности создателя, – отвесил подзатыльник первому более старший. – Я призову душу из небытия, у них уже нет воспоминаний о прошлой жизни. Зато у тела сохранилась мышечная память и подсознание. Дочка хозяев будет жить. Да, это будет не совсем она, но никто об этом не узнает. Вот увидишь, они даже не заметят разницы. Люди крайне примитивные создания, только единицы среди

них видят ауры и владеют парочкой фокусов, при этом называют себя громким словом «маги». А потерю памяти будет легко списать на длительную болезнь. Они нам еще руки целовать будут, – самодовольно закончил речь старший из двух, чем заслужил восхищенный взгляд молодого ученика.

Глава 1

«Как же плохо! Давненько мне не было так хреново!» – мысли текли вяло, в голове стояла муть, во рту мерзкий привкус лекарств, а еще до невозможности хотелось пить. «Я заболела или выпила лишнего?» – почему-то память ускользала, не давая зацепиться ни за одно событие. Как будто все, что было до сегодняшнего дня, покрылось туманом, изредка там мелькал краешек чего-то, но только стоило мне сосредоточиться, как все опять терялось.

«Так, надо встать и хотя бы утолить жажду», – этот сушняк сбивал меня с мыслей. Принять решение было легко, но исполнить его не получалось. Сначала я запуталась в одеяле, потом долго искала, где у кровати конец, пока не уткнулась носом в штору и не свалилась на пол вместе с ней. К тому времени я совершенно выбилась из сил, все тело покрылось потом, руки дрожали, а сердце лихорадочно билось в груди.

«Нет, это явно не с перепоя, да я же и не выпью такое количество», – я сидела у кровати, прислонившись к ней спиной, в надежде, что сердце перестанет выпрыгивать из груди и мне удастся встать. Подняться получилось только с третьей попытки и то, держась за еще одну штору. Из памяти выплыло название «балдахин», и зачем оно мне, собственно, нет бы, что-нибудь стоящее вспомнить. Ноги не хотели слушаться, подкашивались, дрожали не меньше, чем руки, но не садиться же обратно, если я уже встала, да и пить очень хотелось. Почему-то у меня не возникло мысли позвать кого-нибудь на помощь, но об этом я подумала позже, тогда же все мои мысли были о воде, а она есть в ванной комнате. Дав себе установку, я побрела на ее поиски, придерживаясь сначала кровати, а потом стены.

Полумрак меня не смущал, окружающее пространство меня не интересовало, мозг вяло поддакнул, как бы говоря, что мы

там не видели. Действительно, раз я здесь, значит, комната моя или нет? Логика потерялась там же, где и память, ладно, буду считать, что я дома, вот и ванная нашлась с первого раза. Утренний сумрак проникал через большое окно, здесь было светлее, чем в комнате. Хм, а может, я все-таки не дома? Я с сомнением уставилась на чугунную ванну на гнутых ножках в форме лап льва, что-то я не припомню у себя такого раритета. Ладно, это потом, а сейчас водичка. Да где же кран с водой?! Я помню, что из-под крана пить нельзя, но мне сейчас не до абстрактных микробов.

Как назло, крана не было, слив у ванны был, а труба, откуда должна поступать вода, нет. Что за глюк? Забыли сделать или ремонт какой-нибудь затеяли? Я еще раз оглядела комнату: ванна, унитаз, стилизованный под древний, но вполне изящный, столик с зеркалом, на нем фаянсовый тазик и кувшин. Кувшин! Дай бог, чтобы там была вода, и муки мои были ненапрасными. Я, опять же по стеночке, доползла до вожделенного предмета. Небо или боги надо мной сжалились, вода в кувшине была! Поднять его у меня не хватило сил, тогда я просто его наклонила, подставив под струю рот. Какое же это блаженство! В моей жизни не было прекраснее момента, мне так кажется. Я захлебывалась, давилась, больше половины проливая на ночную рубашку, но мне было все равно, вода давала мне силы.

Тут послышался визг, такой пронзительный и громкий, что я невольно схватилась за голову, выпустив из рук кувшин. Он, потеряв устойчивость, упал и разбился. Вода растеклась по полу, заполняя канавки между мозаичной плиткой, и я без сил опустилась на нее. Дверь открылась и в нее ворвалась молодая дородная девица, весьма решительно настроенная. Но, заметив меня, растеряла свой воинственный пыл, запричитала, заохала, что-то у меня настойчиво спрашивая, я же ее не понимала. Вроде слова были знакомы, а смысл уловить не удастся, может, у девушки что-нибудь с дикцией? Не добившись от меня ничего, девица куда-то умчалась. Ну

и пусть идет, с разбившимся кувшином пропал стимул шевелиться и что-то делать. Я сидела на мокром полу, привалившись спиной к стене, полностью погасить жажду не удалось, но мне существенно стало легче, утихла головная боль, пропал мерзкий привкус во рту, только слабость еще давала о себе знать, мне бы поспать немного. Глаза сами закрылись, отрезая меня от странной реальности, так похожей на сон или все же наоборот?

Второй раз я очнулась от того, что какая-то женщина рыдала на моей груди. Я лежала в кровати, опять укрытая этим тяжелым одеялом. Изверги, и так воздуха не хватает, а они еще балдахин обратно повесили, хоть бы постирали его. Кто были те люди, которых я в душе обзывала извергами и садистами, не знаю, возможно, рыдающая женщина одна из них. Я пошевелилась, стараясь выбраться из ее цепких объятий, она вскинула голову, уставившись на меня огромными голубыми глазами, полными слез.

– Доченька, очнулась?! Святая великомученица, какое счастье! – вскрикнула она, с новой силой наваливаясь на мой многострадальный организм. Постойте, она сказала «доченька»? Впервые вижу эту женщину, может, она не в себе? Я скривилась. Не люблю, когда меня трогают посторонние люди, женщина это заметила и поспешно отодвинулась.

– Прости, милая, я совсем тебя придавила, но это от счастья. Когда мне сегодня сказали, что ты пришла в себя и даже вставала, я не поверила, думала, меня обманывают, из благих побуждений, конечно, чтобы я не теряла надежду.

Тут дама опять всхлипнула.

– Какая может быть надежда, если ты два года угасала на моих глазах, моя кровиночка, мое единственное дитя. А эти последние три месяца, которые ты провела в бессознательном состоя-

нии? Я каждый день боялась, что мне принесут страшную весть. Но теперь все будет хорошо, правда? Может, тебе чего-нибудь принести, попить или кушать?

Я молча закивала, надеясь, что эта странная женщина уйдет, и я смогу спокойно все обдумать. В первую очередь то, что я так и не вспомнила ни имени, ни лица своей матери.

– Надька! Где тебя черти носят? – голос у дамы оказался громкий настолько, что у меня заложило уши. В пределах моего взгляда появилась знакомая девица с виноватым выражением лица. – Быстро принеси для госпожи морса и съестного, на кухне должны знать, что подать, доктор оставлял им рекомендации. Да, и отправь Проньку за господином Корвусом. Милая, тебе еще что-то нужно?

– Да, – прохрипела я, во рту опять пересохло, говорить было тяжело. – Пусть откроют окно, дышать нечем, и балдахин уберут, он пыльный.

Дама опешила, не знаю, каких просьб она ожидала, а может вопрос был задан из вежливости, но уже через несколько секунд она справилась с собой, принялась к балдахину, чихнула и побагровела, переведя убийственный взгляд на служанку.

– Сейчас все сделают, радость моя, – она встала и вышла из комнаты, за ней следом плелась бедная Надька, у которой начался нервный тик.

Как оказалось, не зря: из-за двери раздались крики и топот, кричала, используя красочные эпитеты, все та же мадам, а топот, наверное, принадлежал тем, кому эти идиоматические выражения предназначались.

Буквально через пять минут в мою комнату – я уже привыкла считать ее своей – набилась куча народу. Они вытирали пыль, мыли, сняли шторы с окон и балдахин. А какой-то крупный детина подхватил меня на руки вместе с одеялом и куда-то понес.

– Надька, иди, помоги своей госпоже устроиться удобнее в моей комнате, там и покормишь ее, – давала распоряжения неизвестная

дама, считающая себя моей матерью. – Милая, это временная мера, сейчас эти бездельники наведут порядок, и ты вернешься в свою комнату. Надеюсь, Наденька не даст тебе скучать.

Последняя фраза была произнесена таким тоном, что на месте Наденьки я стала бы заикаться. Но проблемы девушки меня не волновали, своих хватает, точнее, пока проблема была одна: как ни пыталась я хоть что-то вспомнить, у меня ничего не получалось, как будто я не жила до сегодняшнего утра. Возможно, выводы делать еще рано, слишком мало данных, но у меня закралось смутное подозрение: либо я сошла с ума, либо все остальные.

Комнаты мадам были светлые и довольно изысканно обставленные: гостиная, точнее будуар и спальня. На мой вкус было многовато золотого и красного цвета, я бы предпочла более спокойные тона. Наденька, радуясь, что вырвалась из-под неусыпного взора мадам, кормила меня супом-пюре, вкус которого не определялся, и щебетала о последних новостях. Кто на ком женился, у кого уже появились дети. Она сыпала именами, которые мне ни о чем не говорили. Она хочет пересказать все, что случилось за два года? Хотя ее можно понять, попадаться под горячую руку той даме не хотелось даже мне. Когда с едой было покончено, а на меня опять напала знакомая оловянная тупость, я, сдерживая зевоту, попросила у девушки зеркало. Она тут же сходилась за небольшим зеркальцем и вручила мне, а я с некоторой опаской заглянула в него.

Оттуда на меня смотрела миловидная девушка с точно такими же глазами, как у мадам. Сомнения в родстве отпали, стало быть, с ума сошла все-таки я. Что ж, этого и следовало ожидать. Я внимательно разглядывала свое отражение: большие ярко-голубые глаза, очень светлые, почти белые волосы, брови и ресницы, курносый носик, пухлые губки, этакое воплощение невинности и чистоты. Фу, никогда не любила такой типаж, я скривилась, зеркало отразило недовольную гримасу. На милом личике она смотрелась инородно. Вывод: я симпатичная, и это неплохо, было бы хуже, если бы болезнь меня

обезобразила, но и не красавица. Единственная выразительная часть на лице – это глаза, надо только с взглядом потренироваться, а то он у меня какой-то тоскливый.

Еще я обратила внимание, что хоть мы с мадам очень похожи, есть и отличия. Во-первых, цвет волос, у нее они русые, во-вторых, форма губ, у нее они тонкие и капризно изогнутые, а еще у меня есть ямочка на подбородке. С другой стороны, должна же я что-то и от отца взять, его я тоже не помнила, впрочем, как и свое имя. Впору было впадать в панику, но организм был против новых стрессов, поэтому быстренько отключился.

В третий раз меня разбудили довольно бесцеремонно, подсунув под нос что-то с резким запахом. Я отстранилась, открывая глаза, надо мной склонился седовласый старичок, еще крепкий на вид, с ясным умным взором.

– Миледи, мое почтение, – он склонил голову, внимательно меня разглядывая. – Я счастлив, что известие о вашем чудесном выздоровлении не оказалось досужим слухом.

– Кто вы и зачем совали мне под нос эту гадость? Я спала, а не была без сознания, – старичок производил впечатление разумного человека, может, хоть он назовет меня по имени.

– Вы меня не помните? – несколько удивился он. – Я ваш семейный доктор, я присутствовал при вашем рождении, миледи, и на протяжении двадцати лет следил за вашим здоровьем, а также за здоровьем всех обитателей этого дома. Странно, что вы меня не помните. Что еще вам не удастся вспомнить? Так понимаю, не только я кажусь вам незнакомым человеком?

Доктор – это хорошо, кому как не ему разбираться в этой проблеме.

– Я ничего не помню, даже своего имени, – призналась эскулапу.

– Ну что вы, так не бывает, вы же говорите, не путаете название